

Николай

ЛЕОНОВ

**Алексей
МАКЕЕВ**

**ПОДВАЛ
С СЕКРЕТОМ**

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *В. Щербакова*
Иллюстрация на обложке *И. Варавина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Подвал с секретом / Николай Леонов, Алексей Макеев. —
Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Черная кошка).

ISBN 978-5-04-109218-4

Новый роман о выдающемся сыщике Льве Гурове — герое старейшей детективной серии. За 25 лет вышло около 200 томов тиражом десятки миллионов экземпляров.

Полковник МВД Лев Гуров расследует дело о пропаже человека. Это не первый случай: в том же районе при схожих обстоятельствах исчезли уже двое мужчин. Неужели действует серийный маньяк? Гурову удастся установить водителя, который, по словам свидетелей, подвозил одного из пропавших. Сыщик спешит встретиться с подозреваемым, но дома его не застает. Зато в подполье, в потаенной комнате, случайно находит кучу изуродованных тел. Гурову кажется, что разгадка трагедии близка. Именно в этот момент он оказывается на волосок от гибели...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А.В., 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2020

ISBN 978-5-04-109218-4

Подвал с секретом

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Если бы Нину Фадееву попросили: назовите самый ужасный поступок, который вы совершили в жизни, она бы ни секунды не сомневалась в ответе. Назвала бы год, месяц и число того злополучного дня, когда мерзкий бес подбил ее на пакость. Да что день? Она с легкостью сообщила бы время, вплоть до секунды. Шестое августа, девятнадцать часов, двенадцать минут, шесть с половиной секунд. С этого момента затикал будильник, отмеряющий кому-то жизнь, а кому-то... Нет, это слово произнести-то страшно!

Почему? Ну почему мы крепки задним умом? Отчего так несдержанны? К чему все это упрямство, баранье бодание на мосту, перетряхивание грязного белья и перечисление чужих ошибок? Разумеется, ей, Нине Илларионовне, дипломированному экономисту тридцати семи лет от роду, человеку, далекому от сантиментов, вспышек ярости и вообще каких бы то ни было эмоций, ясно, как божий день: разборки, поиски правды и справедливости в отношениях между мужчиной и женщиной только усугубляют положение. Тот, кто утверждает обратное — либо лицемер, в поисках тотального одобрения готовый поступиться любыми принципами, либо полнейший кретин. И никак иначе, как говаривала начальница Нины.

Сама по себе ситуация, о которой Фадеева вспоминала теперь с содроганием, не стоила выеденного яйца. Если бы не последствия. Но так уж вышло, что некрасивая сцена размолвки закончилась исчезновением одного из ее участников, и это все изменило. Слова, брошенные в пылу ссоры две недели назад, горели теперь клеймом на языке, а рука, вышвырнувшая спортивную сумку с вещами на лестничную клетку, мечтала о том, чтобы ей отсохнуть.

С Паней, как в шутку называла Нина своего жениха, Паранина Николая, они познакомились больше трех лет назад. Оба не первой свежести, о чем любила напоминать Нине все та же начальница, оба с негативным опытом за плечами и кучей эксклюзивных тараканов в голове, они вдруг словно приросли друг к другу. Так вот раз — и через три месяца они уже съехались.

Территорию для проживания выделила Нина. Ютиться в хибарке, гордо именуемой Николаем «загородной недвижимостью», экономист Нина, коренная горожанка, не пожелала. А Николай оказался непритязательным. Город — значит, город. И все-то у них пошло гладко, и все-то хорошо, если бы не одно «но»: сухой черствый экономист вдруг оказалась жутко ревнивой натурой. Она ревновала Николая двадцать четыре часа в сутки. Надо отдать должное, большую часть времени ей удавалось держать эмоции в узде, но иногда, как, например, шестого августа, плотину прорывало, снося все преграды, и Николай окунался в резервуар с каловыми массаами. Аллегорически, разумеется.

Перед Ниной Паранин никогда не извинялся. От нее, впрочем, извинений тоже не требовал. Сколько бы ни бузила Нина, сколько бы ни бунтовала, все равно к нормальному состоянию придет. Надо просто переждать грозу, и будет тебе счастье. Но на этот раз Нина зашла слишком далеко. И Николай всерьез обиделся, впервые за три года. Вспылил, выдал что-то оскорбительное и шагнул через порог.

Нина дулась минут десять, потом до нее стал доходить абсурд ситуации. Зачем, ну зачем она унизила хорошего человека? Для чего усложнила и его, и свою жизнь? Смысла в разладе нет. Все равно через пару дней все вернется на круги своя. А что, если нет? Что, если на этот раз чаша терпения переполнилась? Ведь даже Паня, с его безграничным терпением, может не выдержать давления. У каждого терпения есть свой предел. Нет, такой вариант Нину не устраивал. Надо действовать, причем действовать быстро. Нужно вернуть Паню, а вместе с ним мир и душевный покой.

Где искать Николая, догадаться нетрудно. Его «загородная недвижимость» в виде дачного дома, приспособленного под круглогодичное проживание, — единственная альтернатива городской квартире Нины. Адрес ей известен, способом, которым Паня обычно добирался до дачного поселка возле деревни Локотня, не менялся за три года ни разу. От станции метро Тушинская он не ездит

никогда, предпочитает прогуляться до Мякинино и сесть возле МКАД. Там автобус останавливается регулярно, а промежуточная станция позволяет избежать суеты и толкотни. Что поделать, если Паня жутко не любит толпу?

Дело за малым: бери такси и гони. Точного расписания рейсового автобуса Нина вспомнить не смогла, а тратить время на его поиски побоялась. Приехать на станцию и помахать уходящему автобусу платочком? Слишком киношно.

Таксист принял заказ, но, учтя спешку пассажирки, зарядил плату, в три раза превышающую реальную. Нина не торговалась, скользнула на переднее сиденье и махнула рукой в знак готовности выдать означенную сумму. Прибыв на станцию, наскоро расплатилась и сразу побежала к кассам. Пани видно не было. Она отыскивала взглядом табло с расписанием пригородных автобусных рейсов, сверилась с часами. По ее подсчетам получалось, что до ее приезда Паня уехать не мог, просто не было подходящего рейса. Согласно расписанию, его автобус отходил через десять минут.

«Едва успела. Господи, только бы он был здесь! — мысленно взмолилась Нина. — Все, больше никогда! Никогда не позволю эмоциям взять верх». Повторяя слова, как мантру, она побежала к площадке с номером «шесть», где проходила посадка на автобус, следующий на Тучково. Еще не добежав, Нина поняла, что Пани в числе пассажиров нет. Высокий рост, под метр девяносто, красивая, с серебряным отливом шевелюра и своеобразная манера одеваться всегда выделяли Паню из толпы. Из любой толпы.

«Ну, где же ты, где? — Нина остановилась и усердно водила головой из стороны в сторону, методично изучая панораму. — Не может быть, чтобы я ошиблась. Тебе просто больше некуда податься». И тут она его увидела. Вдруг. Резко. Неожиданно... А ведь искала же, искала...

Увидела и застыла. И снова омерзительно липкая ревность поползла к сердцу, попутно проникая в кровь, пока не добралась до мозга или что там от него осталось. Обещания, которые твердила минуту назад, были забыты. Единственное, о чем могла думать Нина, — он садится в незнакомую машину. Кто за рулем? Женщина? Его женщина или он подцепил себе первую встречную? Красива ли она? Молода ли? «Да что же это за напасть! Просто болезнь какая-то!» Нине удалось прервать ход негативных эмоций, и в дело тут же вступил рационализм: Паня сам машину не водит и друзей

с авто не имеет, с частниками не связывается, платным попутчиком не напрашивается и вообще привычки свои вдруг не меняет.

Тогда почему она видит то, что видит? Вот он, серебристый автомобиль, не новый и не старый, в меру пыльный, в меру ухоженный. Распахнул свое чрево, собираясь поглотить Паню. Именно поглотить. Забрать насовсем, увезти далеко, чтобы обратно дороги не нашел. Почему так тревожно? Отчего сердце шемит? И ног от земли не оторвать, и язык к небу прилип. Ни окликнуть, ни подбежать.

И все же она крикнула. В самый последний момент, может, поэтому он и не услышал. «Паня, Паня!» — кричала Нина. Страх отпустил, гортань заработала, следом за ней задвигались и конечности. Нина бежала к автомобилю жалких тридцать секунд, после чего бежать уже смысла не было. Серебристый седан тронулся, подняв клубы дыма из-под колес. Она еще пару раз махнула рукой в надежде, что жест ее увидят и отреагируют. Но нет. Не отреагировали.

Сцена расставания так и не состоялась, Нина развернулась и побрела обратно в город. Чувствовала она себя опустошенной и возбужденной одновременно. Почему-то теперь, когда незнакомый автомобиль исчез из поля зрения, тревожное предчувствие ушло. На его место пришло что-то сродни облегчению. Вот он, долгожданный час, когда можно расслабиться. Приятно после трех лет напряжения, постоянного самоконтроля и тревоги вдруг оказаться снова предоставленной самой себе. Больше не нужно «держаться марку», стараясь выглядеть как королева. Не нужно подниматься ни свет ни заря, чтобы успеть до его подъема нажарить эти проклятые пончики. Все время с разной начинкой, не забывай, с разной! Не нужно ловить его взгляд, опасаясь, что в нем вновь появятся растерянность и безысходность, пугающие до тошноты.

А что можно? Да все! Можно лежать на диване, задрвав кверху ноги, и смотреть бесконечный сериал про любовные треугольники медицинских работников. И как это они умудряются успевать лечить людей в промежутках между сексом? Можно затариться пивом, врубить музыку (только в наушниках, разумеется) и балдеть под Земфиру или одиозного Лепса. А можно скачать философскую канитель Кафки, обложиться пирожными и шоколадом и читать от заката до рассвета. А потом спать от рассвета до заката. И никому

никакого дела не будет, насколько твои привычки не соответствуют твоему статусу. Какие есть, те и твои.

Вернувшись домой, ничем подобным заниматься Нина не стала. Выпила рюмку коньяка, скорее для проформы, чем для успокоения нервной системы, и завалилась спать. Наутро первым делом проверила сообщения: во всех мессенджерах было пусто. Посмотрела запись звонков — ни одного пропущенного. Загрузила операционку на ноутбуке, вошла в почту — и там ничего. «Что теперь? — подумала она, откинувшись на спинку кресла, мысли, одна противнее другой, закопошились в голове, точно вши в давно не мытой шевелюре бродяги. — Написать самой?» Нет, это не в ее правилах. Показывать мужику свою привязанность противопоказано. Им только дай слабину — тут же на шею сядут.

«Ну и пусть! Пусть садится, пусть хоть ножки свесит и погоняет, только бы вернулся». Мерзкий страх путал мысли, мешал сосредоточиться и объективно оценить ситуацию. Минут десять Нина сидела над раскрытым ноутбуком, но так ничего и не написала. В конце концов хлопнула крышкой и начала собираться на работу. Любовь любовью, а трудовые обязанности выполнять надо.

Три дня она не находила себе места, три дня не выпускала из рук телефон в надежде, что Паня позвонит или хоть как-то обозначится. Не обозначился. В конце третьего дня Нина, наплевав на принципы, набрала его номер. Послушала приятный голос автоинформатора, сообщивший о том, что телефон абонента выключен, и сбросила звонок. В памяти тут же всплыл незнакомый автомобиль, в который три дня назад сел Паня, и сердце защемила тоска.

«Знать бы, почему он молчит? Если все еще дуется, не страшно. А если с ним что-то случилось?» Вопрос, произнесенный мысленно, вдруг обрел физические формы. Буквы красной строкой высветились на белоснежной стене спальни и, похоже, убираться оттуда не собирались. Напротив, они росли в размере до тех пор, пока не заняли всю стену, после чего начали расплываться, изменять форму, превращаясь в живые динамические картины.

Страшные истории Нина никогда не любила, криминальные новости не смаковала и вообще предпочитала игнорировать все, что касалось насильственной смерти. А тут эти картинки — одна страшнее другой, и такие натуральные, такие пугающие... «Прекрати немедленно, слышишь, Фадеева, прекрати!» Но приказ про-

звучал вяло и неубедительно, соответственно, и пользы не принес. Уверенность, что ужасные вещи могут происходить с кем угодно, только не с ней, та уверенность, что сопровождала Нину три десятка лет, растаяла, словно дым, унесенный порывом ветра.

— Паника тебе не поможет. То, что произошло, уже произошло, и повлиять ты на это никак не можешь. Значит, сосредоточься и подумай, что делать дальше, — теперь уже вслух проговорила она.

Нужно поехать к Пане. Самой, без предупреждения. И будь что будет! Нина бросила взгляд на часы: двадцать два сорок пять. Поздновато, но откладывать поездку до утра — только лишний раз нервы трепать. Таксистам без разницы, в ночь работать или в день. Отчета от нее никто не потребует, с чего она решила ехать на дачу на ночь глядя — не их собачье дело. Кто платит, тот и музыку заказывает.

Нина набрала номер вызова такси, выдала девушке-оператору начальный и конечный адрес следования, дала согласие на ожидание, после чего, сжав в руке телефон, застыла в кресле. Через десять минут пришло сообщение: белый «Рено Логан» ожидал ее у подъезда. Схватив сумку, она выскочила из квартиры и быстро сбегала по лестнице. Таксист, пожилой мужчина с добродушной улыбкой на лице, попытался завязать разговор, но быстро понял, что к беседе пассажирка не расположена, и заткнулся. Так всю дорогу молча и проехали.

Остановив машину у дачного дома Пани, таксист снова заговорил:

— Что-то темно в окнах, может, нет никого? Или к себе приехали?

— Неважно. — Нина расплатилась наличными, отсчитав личную сумму чаевых. — Все в порядке, вы можете ехать.

— Подожду, пожалуй. Мне не трудно. — Таксист не поленился, вышел из машины, открыл перед Ниной дверь. — Все равно обратно порожняком ехать. Пара лишних минут погоды не сделают.

— В этом нет необходимости, — более резко, чем собиралась, оборвала его Нина. Почему-то ей не хотелось, чтобы таксист стал свидетелем сцены. Какой сцены? Она и сама не знала, просто сам факт, что незнакомый человек наблюдает за ее позором, был ей неприятен. Она уже жалела о своем порыве. Зачем она сюда приехала? Что ее ждет? Чего она сама ждет?

— Иди, дочка, — подбодрил таксист. Ласково так, по-отечески. — И не волнуйся, я подожду. Если что, шумнешь.

На этот раз Нина возражать не стала. Глядя на холодные темные окна дома, ей вдруг стало как-то зябко. Она хорошо помнила, что Паня всегда оставляет на ночь свет над крыльцом. И в саду фонарь включает. Сейчас же дом стоял в абсолютной темноте, и это пугало. До калитки еле доползла, ноги отказывались слушаться. Еще не дошла, а уже поняла — с Паней случилась беда. Не от обиды он молчит, не из-за нанесенного оскорбления не дает о себе знать. В этом ее убедил массивный замок, уродливым монстром свисавший с проушин калитки. Это могло означать только одно — на даче Пани нет, а может, и вообще не было.

Собираясь впопыхах, Нина не подумала о том, чтобы взять с собой запасные ключи. Минуту стояла, пялясь на замок, потом вспомнила: северная сторона участка не граничит с соседними, а проходит по проулку и выходит в поле. Там, на самой границе с восточной стеной забора, есть лаз. Паня не заделывал его принципиально, цепляясь за детские воспоминания, когда мальцом бегал от матери в лес. Мать строго-настрого запрещала ему одному по лесу шататься, а он от этого получал какое-то свое, странное удовольствие. Сейчас уже не бегал, но лаз так и остался на месте.

Нина прошла до угла, свернула в проулок, добралась до лаза и в нерешительности остановилась. Деревянные штакетины выглядели все одинаково. Если не знать про лаз — ни за что не догадаешься о его существовании. Но что, если в доме все же кто-то есть? Не Паня. Кто-то чужой, тот, кто знает про лаз и про запасной ключ в чулане? Может, не стоит туда идти? Может, лучше вернуться в город, дожидаться возвращения Пани? Ведь не может же он просто так уйти? В конце концов, в квартире остались его вещи. То, что она ему в сумку спортивную покидала, так — мелочи. Он ведь даже ноутбук не забрал, а там у него рабочие материалы, без которых никак не обойтись. Пусть сейчас он в отпуске, может себе позволить не думать о бумагах. А когда отдых к концу подойдет? Все равно придется встретиться.

— Решила с задов зайти?

Звук голоса таксиста напугал Нину до чертиков. Она не слышала его шагов, полностью погружившись в свои мысли. Подскочила, как ужаленная, оглянулась и не сразу сообразила, что происходит.

Когда же дошло, что это всего-навсего сердобольный таксист, зато пило облегчение и чувство благодарности к этому совершенно чужому, по сути, человеку.

— На калитке замок, — объяснила она.

— И ты решила пойти обходным путем. Для чего? Ведь ясно — никого в доме нет.

— Хочу убедиться.

— Ладно, пошли. Ох уж мне эти женщины, — сокрушенно качнул головой таксист, пощупал пару штaketин, пока не нашел ту, что не закреплена, отвел ее в сторону и первым полез в образовавшийся проем. — Надеюсь на то, что находится здесь ты все же имеешь право.

Нина не ответила. Благодарно улыбнулась и нырнула следом за таксистом. В саду осмотрелась. Все как обычно, никаких изменений. Только непривычно темно. Одна она здесь никогда не бывала, и при полной темноте видеть сад ей не приходилось. Таксист уже шагал к крыльцу, и Нина поспешила его догнать. Громко стуча каблуками ботинок, он поднялся на крыльцо, а она осталась внизу.

— Говорил же, нет никого. Видишь? И здесь тоже замок, — для наглядности подергал таксист замок и даже постучал им о металл двери. — Кого найти хотела?

— Жениха.

— Сбежал?

— Похоже на то.

— Ничего, погуляет и вернется. Мужики — они народ примитивный и к переменам не расположенный. Взбрыкнуть, погудеть пару-тройку дней — это запросто. А на третий день все равно в привычную колею потянет. Вернется, никуда не денется.

— Хорошо, если так, — вздохнула Нина. Протяжный вздох повис в воздухе, нагоняя тоску.

— Не горюй, дева, все образуется, — улыбнулся таксист, спускаясь с крыльца. — Поехали домой, что ли?

— Нет, я останусь, — объявила Нина. — Утром по соседям пройду, хоть узнаю, был ли он здесь вообще.

— Оно тебе надо? Не серчай, дочка, но лучше бы тебе переждать. Негоже это — за мужиком бегать.

— Сама знаю, что негоже. Только на душе неспокойно. — Нина снова вздохнула. — Его уже три дня нет. Дома нет. Думала, он здесь, да сами видите, ошиблась. Пойти ему больше некуда.

— Ну, как знаешь. Совет ведь не приказ, к выполнению не обязательен, — озабоченно покачал головой таксист. — Ключи-то есть?

— В сарае, в чуланчике.

— Пойдем, достанем.

Вместе дошли до сарая, отыскивали ключ, вернулись на крыльцо. Нина отперла дверь, вошла внутрь. Таксист вошел следом, дождался, пока она зажгла свет в прихожей, кухне и гостиной на первом этаже, после чего молча вышел. Провожать его Нина не пошла. Обошла все комнаты, но следов пребывания Пани нигде не заметила. Последний раз они были здесь пару недель назад. Перед отъездом она навела порядок, и этот порядок сохранился нетронутым. Аккуратностью Паня не отличался. За три года Нина не помнила случая, чтобы он хоть одну вещь на место положил, а тут все осталось так, как сложила она.

Вывод напрашивался сам собой: до дачи Паня не доехал. Тогда где он? Кто сидел за рулем той машины? Куда увез Паню? И снова вязкий страх охватил ее. К ревности он уже не имел никакого отношения, теперь это был страх за жизнь любимого человека. Через пару минут к нему прибавились угрызения совести. Вот ведь паршивка! Совсем со своей ревностью сбрендила, три дня любимого нет, а она и ухом не ведет. Надо было сразу тревогу бить, полицию на уши поднимать, а не высиживать, упиваясь обидой.

До утра Нина просидела на кровати в спальне второго этажа. Она слышала, как завел двигатель таксист, как отъехала машина. Слышала, как яростно лаял соседский пес, потревоженный шумом двигателя. Как недовольно ворчал сосед, во всеуслышание проклиная полуночников, которым нечем больше заняться, как только соседей по ночам будоражить. Слышала, как тикал допотопный будильник на прикроватной тумбочке, отмеряя секунды, но сдвинуться с места заставить себя так и не смогла. Как не смогла отогнать и страшные картины, вереницей проносившиеся в растревоженной запоздалым беспокойством голове.

В восемь утра пошла по соседям. Как и предполагала, никто Ни-колая не видел с тех самых пор, как они две недели назад, закрыв калитку на замок, отчалили в город. Серый автомобиль тоже не заметили. Ни у дачи, ни в окрестностях. Место здесь было не особо популярное, чужаков немного, так что в словах соседей Нина не сомневалась. Вернулась в дом, закрыла дверь на замок и отправилась на автостанцию. Доехав до города, позвонила на работу и сообщила